

Поднимался в горы, шел он в лес,
Был лихим охотником мой предок.
Он шагал с ружьем наперевес,
Мысли туров узнавал по следу.

Юноша, джигит и аксакал,
Он любил свой промысел опасный.
Это он пьянел и ликовал,
Белый снег окрасив кровью красной.

Неужель закон моей страны
Так жесток и, в завершение дела,
В миг паденья зверя с крутизны
У стрелявших сердце не болело?

Горец, предок мой, прости меня,
Но скажи, каким богам в угоду
Ты, свободу, как никто, ценя,
Мог на чью-то посягать свободу?

Я и сам рожден не на луне,
Я и сам не ангел безупречный.
Почему ж с рожденья не по мне
Этот горский промысел извечный?

Бессердечность, что слывет святой,
Пусть мою не посылает пулю
В спящую над пропастью кошулю,
Чтоб стал козленок сиротой.

Не хочу ловить на мушку цель,
Все разметив холодно и тонко.

Не хочу осиротить газель,
Просто так убив ее теленка.

Я ни разу в жизни не стрелял
В ланей с удивленными глазами,
В чьих зрачках застыли глыбы скал,
И ручьи, и снег под облаками.

И, оставшееся мне от предка,
В доме на ковре, над головой,
Спит ружье, что раньше било метко
И забыло дым пороховой.

1967